

Таня Иванова

**Бес.
Покойный дом**

Таня Иванова
Бес. Покойный дом (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9601058

ISBN 978-5-4474-0812-1

Аннотация

13 рассказов о жизни простых людей, умеющих и не умеющих любить, прощать, жить и бороться за свое счастье. Кто-то опустил руки, кто-то бьется в предсмертной агонии, а кто-то продолжает жить надеясь и веря.

Содержание

Квартира №1	5
Квартира №2	29
Квартира №3	52
Квартира №4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Бес. Покойный дом

Таня Иванова

© Таня Иванова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

– Не нравится мне этот дом, – сказал участковый своему новому напарнику.

– Почему? – удивился тот.

– Проклятый он.

– Да ладно, – засмеялся напарник. – Я во все это не верю.

– Я тоже не верил, но в этом доме нет ни одного счастливого человека. И все время что-нибудь происходит. И это всегда плохое. В нем четырнадцать квартир. И в каждой что-нибудь, да происходило. В одной кто-то убивает, в другой ругается, в третьей – умирает, в четвертой – медленно сходит с ума. Есть только одна квартира, в которой тихо и спокойно. Это самая последняя – четырнадцатая – квартира. Но там уже давно никто не живет.

– Странный ты какой-то, – усмехнулся напарник.

– Посмотрим, что с тобой будет через полгода на этом участке, – ответил участковый.

Квартира №1

Сегодня Ксюша идет домой одна. У нее хорошее настроение, т. к. теперь она точно знает, что поступила в гуманитарный профильный десятый класс своей школы. Это лучше, чем учиться в обычном классе. И пусть она заняла лишь шестое место в общем экзаменационном зачете, а не первое, но это же совсем не важно. Главное – поступить, а уж свои знания она сможет показать в течение предстоящего учебного года в полной мере.

Ксюша – отличница со стажем, т. е. с самого первого класса. Уроки ей давались легко: логика, смекалка, хорошая память – это был ее багаж. Как многие отличницы, Ксюша мало общалась со своими сверстниками. Их беседы сводились к следующему:

– Привет. Ты алгебру решила? – спрашивал ее какой-нибудь одноклассник.

– Да, решила, – отвечала она спокойно.

– Дай списать.

Затем было два возможных варианта развития событий: либо она доставала свою тетрадь и отдавала на списывание, либо, если домашняя работа была настолько сложной, что она потратила много времени, она отказывалась давать списывать домашку. И в том, и в другом случае она ничего не теряла и не находила, т. к. за решенные задачи она получала

огромное человеческое «спасибо», с которым мало, что можно сделать, а за свою вредность она не получала ничего, т. к. отношения с ней портить никто не хотел по одной простой причине – списывать не у кого будет.

Ксюша подошла к дому, в котором жила, точнее существовала. Ключ от квартиры №1 она достала из рюкзака, улыбнувшись своему брелку, изображавшему маленькую девочку с бантиками, и открыла дверь. Квартира представляла собой жалкое зрелище, возможно, поэтому у нее резко портилось зрение. Обои были старые, чуть пожелтевшие, кое-где ободранные сильными когтями любимого кота Мурзика. Мебель была сколочена из остатков некогда труднодоступной из-за дефицита стенки. Пол шел под откос, двери еле-еле закрывались, в окна постоянно дуло, потолок по весне тек, летом было очень жарко, зимой очень холодно. Эта квартира была создана с самого начала не для жизни, а для мучения. Все попытки ее матери хоть как-то поправить положение были бесплодны. Иногда, где-то раз в пятилетку, они делали ремонт, но он был косметический, а не капитальный, как требовало того это помещение. На самом деле, как считала Ксюша, самым лучшим было бы просто отсюда съехать, но на это нужны были деньги, а они не водились. Как, впрочем, и продукты. Холодильник был почти пуст почти всегда. Вот и сейчас, открыв дверцу, она посмотрела на пустующие полки, и закрыла его. Это означало лишь одно – опять варить картошку. Этот овощ имел одно необык-

новенное и очень хорошее в их жизни свойство – он никогда не надоедал. Возможно, потому что его можно приготовить по разному: то пюре, то пожарить, то целиком отварить, то дранники сделать. Сейчас Ксюша решила, что сварит картошку в «мундире», потом ее почистит, порежет на кубики, добавит соли, подсолнечного масла, и появится у нее замечательное блюдо, которое она именовала «салат из картофеля». Она его приготовила, поела, попила чая и пошла делать уроки.

В шесть вечера пришла ее мама. Как всегда уставшая. Ксюша решила ее обрадовать.

– Мама, а у меня новость хорошая, – радостно улыбаясь, сообщила она.

– Да? – еле выговаривая от усталости слова, ответила мама. – И какая же?

– Я поступила в профильный гуманитарный класс.

– Молодец, – спокойно сказала ей мама. – Я рада за тебя, – так же спокойно продолжила она.

– Спасибо, – также спокойно теперь отреагировала Ксюша.

Она почувствовала, что вся ее радость мгновенно испарилась. Улыбка поползла вниз. Мама даже не посмотрела больше на нее. Ксюша не поняла, что она сделала не так, т. к. рассчитывала на взаимное чувство радости, а в итоге получила те же слова, что, если бы она сообщила, что купила хлеб и, он лежит в хлебнице.

– Я сегодня ничего не продала, – добавила ее мама.

– Народа не было? – спросила участливо Ксюша.

– Да, у людей денег нет. Ходят, смотрят, но не покупают.

Ксюше стало стыдно за то, что у нее есть чему радоваться.

Она поняла, что ей следовало сначала спросить о том, как дела у ее мамы, выслушать, а уже затем и рассказать. А может быть и вовсе не рассказывать. Она замечала, что родители интересуются только ее оценками за четверть и экзамены, а то, как она их добивается, что происходит в учебной четверти, их не волновало.

Расстроенная Ксюша пошла в комнату делать уроки, пока не пришла ее сестра и не включила на всю мощь свою дурацкую музыку. Ксюша много сил вложила, чтобы поступить в этот класс, она упорно занималась, больше, чем обычно, рассчитывая, что порадует родителей хорошей новостью. Но в их семье не принято было радоваться за других. Ксюша живет среди них всю свою жизнь, но все равно надеется на то, что у ее родственников появится такое умение, как воспринимать победу одного из членов семьи, как свою.

Через какое-то время пришла сестра. Ее звали Оксана. Ксюше пришлось уйти в другую комнату, т. к. с треском в ушах от музыки, сложно что-либо учить. Конечно, это не помогло, т. к. звукопроницаемость была просто удивительной. В их квартире можно было спокойно разговаривать через стенку, даже не повышая голоса. Но переход в другую комнату – это все же возможность отгородиться, но только

до определенного момента – пока не придет папа. В этой комнате уже не было стола, поэтому она легла на диван попой кверху и стала учить параграф. С одной стороны до нее доносились звуки бьющейся друг об друга посуды, когда ее мама доставала что-то на кухне, чтобы сварить «кашу из топора», с другой – музыка. Ксюша пыталась отвоевать часть комнаты у сестры, жаловалась родителям, но те ничего не могли сделать с Оксаной, т. к. она их просто не слушала. Когда Ксюша поняла, что даже родители не могут на нее повлиять, то решила, что уж она точно не в силах что-либо изменить. Поэтому она скиталась по квартире. Так было каждый день. Она придумала для себя прекрасное объяснение: что идет она писать сочинение в туалет не из-за того, что там тепло и никого нет, а потому что там ее посещает муза, или, что алгебру она решает в ванной, т. к. там к ней быстрее приходят ответы. Она всячески пыталась отгородиться от реальности.

К восьми часам пришел папа. Он тоже, как всегда, устал. Мама все еще варила, поэтому глава семейства из кухни напрямиком направился к телевизору. Как всегда, он лег на диван и стал переключивать каналы.

– Пап, а у меня новость, – с восторгом в голосе, обратилась Ксюша к отцу.

– И какая? – не поворачивая головы от телевизора спросил отец.

– Я поступила в гуманитарный класс. Помнишь, когда мы обсуждали то, куда мне попробовать сдать экзамены, то ты

сказал, чтобы я пробовала в гуманитарный. Так вот я поступила. – Она стояла посреди комнаты, светясь не меньше, чем люстра, которая висела над ее головой.

– Ну и кем ты будешь после этого? – небрежно спросил отец.

– Я не знаю. Я же еще только в десятый класс поступаю, а не куда-то там. Просто ты же сам говорил, – Ксюша стояла совсем растерянная. Она не плакала, хотя ей очень хотелось. Но плакать нельзя, т. к., все равно никто не пожалеет ее: мать делает вид, что не заметит, отец действительно не заметит, т. к. постоянно смотрит на экран, а сестра скажет, что так ей и надо, заслужила. Поэтому она стойко выдерживала критику поступка, который был одобрен всего несколько недель назад.

– Ты кем станешь? – повторил отец. – Учительницей. Так им ничего не платят. Или юристом, так их пруд пруди. Или соцработником – бабушкам продукты будешь таскать?

– Но ты же сам говорил, – тихонько запротестовала Ксюша. – Когда мы говорили, ты сказал, что лучше идти в гуманитарный, а не математический.

– Ты же сама должна понимать, – будто не слыша ее слов, продолжал отец. – Кому это нужно? – задал он вопрос, а затем быстро сам ответил. – Никому. Ты пойми, что гуманитарий сейчас никому не нужен.

– И что теперь?

– Теперь уже ничего. Надо было стараться поступить в ма-

тематический класс. Вот тогда было бы дело. А это что? – отец махнул рукой и отвернулся к телевизору.

Ксюша стояла так, как будто бы ее сейчас всю оплевали.

– Идемте есть, – сказала мама, зайдя в комнату.

Они уже не возвращались к этому разговору. Ксюше совсем не хотелось кушать, но отказ от еды расстроил бы маму, т. к. она старалась, готовила, поэтому Ксюша запихивала в себя ложку за ложкой. Как обычно сестра притащила магнитофон на кухню. Отец стал ей говорить, чтобы она выключила, та только смеялась. Вскипел чайник, и мама разлила чай всем по кружкам, поставив их на стол.

– Ой, мне песня эта так нравится, – вскрикнула Оксана и прибавила громкость.

– Выключи, я сказал, – уже заорал отец.

– Нет, – хихикая, как дурочка, сказала Оксана.

– Я сказал тебе – выключи.

Сестра только засмеялась, прищуriv глаза и в упор смотря на отца. Отец одним рывком вскочил и стукнул магнитофон кулаком. При этом он потряхнул стол так, что чай весь вылился, причем прямо на Ксюшины живот и ноги. Она даже не поняла, что случилось, что должно быть больно или, что она должна заплакать, т. к. на нее сейчас вылили целую кружку кипятка.

– Смотри, что ты сделал, придурочный, – сказала Оксана, взяла магнитофон и пошла в спальню.

– Это твое воспитание, – прорычал в свою очередь отец

матери.

Мать ничего не ответила, достала последнее яйцо, и стала мазать живот и ноги Ксюши. Белок становился почти сразу белым, так же, как когда она жарила себе яичницу на сковородке. Мама снимала образовавшуюся пленку и снова мазала сырое яйцо. Отец ушел смотреть телевизор. Ксюша не плакала, а мать ее не успокаивала. Оказав первую медицинскую помощь, мать стала убирать со стола.

– Как мне все это надоело, – сказала мать.

Ксюша закрылась в ванной и стала делать алгебру. Она решила просто забыть о сегодняшнем вечере. Она делала так каждый день.

В ванной ей нравилось учиться больше, чем в туалете, т. к. туда реже заглядывали. Раковина была и на кухне, так что руки можно было помыть и там. Она делала редкие вылазки, чтобы сменить учебники и тетради, а когда спина совсем уставала сидеть, то она брала одеяло, кидала его в самую ванну, предварительно вытерев ее насухо и повернув кран в сторону раковины, т. к. он постоянно тек. Затем она ложилась. Такой способ отдыха она подсмотрела в каком-то советском старом фильме и взяла себе его на заметку. На самом деле можно было бы здесь спать, если бы папа не вставал раньше всех и не шел бриться. А так здесь было очень хорошо. Если, конечно, не считать внешнего вида, который ничем не отличался от всей остальной квартиры. В связи с тем, что денег на плитку не было, решено было поклеить моющиеся обои,

но через пару дней они стали отклеиваться. Чтобы они совсем не отвалились, по стыкам их склеили скотчем. Там, где обои отходили, был виден какой-то грибок. Мама старалась от него избавиться, но, как почти во всех случаях, когда она пыталась что-то поправить, это не помогло. Здесь было сыро, поэтому он развивался очень быстро.

На самом деле сегодня был хороший день, т. к. папа пришел трезвый. Но, как это часто бывает после длительного «загула», встав на верный путь, он становился злой, раздражительный. Ксюша хотела его порадовать, но только рассердила своим заявлением о том, что она будет учиться в непростом классе. Она уже и сама была не рада тому, что у нее получилось поступить. Эта очередная победа была превращена членами ее семьи в очередное поражение. Она уже привыкла. О своей жизни она старалась рассказывать как можно меньше. Только когда ее спрашивали, а спрашивали редко. В дневник вообще никогда не заглядывали: не интересно смотреть на бесконечные пятерки. Но эта новость была для нее настолько большой и чудесной, что ей очень хотелось поделиться. Но насколько она была чудесной, настолько она сейчас стала ужасной. Ксюша думала о том, как это можно исправить, но проситься в обычный класс было бы глупо, а попасть в математический класс уже невозможно, т. к. вступительные экзамены уже прошли без ее участия. Мама все еще возилась на кухне. Когда она там на недолго задерживалась, то Ксюша иногда переходила в кухню, т. к. там

можно было сидеть за столом, а значит можно, например, переписать сочинение или решенные примеры с черновика в чистовик.

– Открой дверь, – крикнула Оксана, стучась в ванную. – Ты не одна здесь живешь.

Ксюша открыла дверь и вышла.

Пока все чистили зубы и умывались, готовясь ко сну, она решила почистить свою обувь. Это было одно из любимейших ее занятий, если, конечно, не считать мытье посуды. В эти моменты она каким-то чудесным образом исчезала из квартиры. Ее мысли были далеко-далеко, хотя тело повторяло одни и те же несложные механические движения. Раз-два, раз-два. Не смотря на сложные отношения, она чистила обувь всем членам семьи. Так что утром все уходили в чистойшей обуви. Это делалось не из-под палки, а было решением самой Ксении, т. к. от данного процесса она получала истинное удовольствие. А в ее жизни этого так не хватало. Ей нравилось чередовать умственную и физическую деятельность. Особенно, когда не получалось решить какой-то пример или, она не могла написать сочинение. В такие моменты она откладывала все тетради, и шла мыть посуду. Грязная посуда в их доме никогда не переводилась, т. к. помимо основных приемов пищи, были, как правило, еще и промежуточные. Возможно, это происходило из-за того, что пища была не калорийная, поэтому чувство голода быстро возвращалось. Или была обыкновенная привычка что-то перекусыва-

вать, но факт оставался фактом – раковина на кухне никогда не пустовала.

Оксана закончила свои ваннные процедуры, отец уже храпел. Он быстро засыпал под телевизор, а может быть просто очень сильно уставал. Организму его, должно быть, было тяжело не работать совсем, когда он пил круглыми сутками, а затем вкалывать по двенадцать часов, и даже больше. Когда он не пил, то у него всегда находилась дополнительная работа, а соответственно и денег прибавлялось. Поначалу он все нес в семью: покупал разные вкусняшки, отдавал деньги маме. Но наличие денег не способствовало тому, чтобы семья стала счастливее. Мама ходила все так же ни жива, ни мертва, сестра кричала на отца, чтобы он не выпендривался после двух дней «сухого закона», Ксюша молчала. Отец обижался, включал телевизор, а затем засыпал. На следующий день он снова приползал, либо его приносили, потому что он уже не мог идти. Их жизнь была похожа на круговорот. И вся семья вместе с отцом уходила в запой, т. к. в эти моменты он путал день с ночью, как маленький ребенок, и по ночам устраивал концерты, основной целью которых было выпрашивание денег, принесенных всего пару дней назад. Мать что-то давала ему, потом он уходил, потом приходил уже совсем пьяный. Затем он резко бросал пить, вся семья вместе с ним тяжело отходила от очередной пьянки, т. к. сложно понимать, что вчера папы вроде бы и не существовало на свете, ему было не до тебя, а сегодня он не только спра-

шивает, но и требует что-то. Даже скорее, это было хождение не по кругу, а по спирали... Вниз.

Не смотря на все это, Ксюша любила отца. А еще она любила вот так допоздна учить уроки. Тогда казалось, что в их семье все хорошо, т. к. было тихо. Для нее это был единственный критерий определения уровня спокойствия. Любой разговор на повышенных тонах даже за пределами дома, она рассматривала, как что-то плохое. То, что в споре рождается истина, было для нее очень глупым высказыванием. Она не могла понять, как вообще возможно крича, до чего договориться. На ее глазах таких примеров не было, т. к. сестра каждый день по любому поводу ругалась с отцом, и общий язык за столько лет они так и не нашли. Ксюша и ее мама были скорее наблюдателями. Жили в этой семье отец и сестра, а вот жизнь матери и Ксюши протекали будто сквозь пальцы. Постоянные склоки отнимали всю энергию у них обеих. Две безмолвные тени, будто покинутые жизнью.

– Ложись спать. Уже поздно, а завтра нужно рано вставать, – сказала мама, выйдя в сорочке до колена, заспанная, помятая, как подушка, с которой она только что встала.

– Мне еще чуть-чуть осталось дописать, – просящим голосом сказала Ксюша.

– Ладно, дописывай и спать.

Ксюша кивнула и посмотрела, как немного пошатываясь худое тельце прошло по коридору и завернуло за угол. Ксюше было ее жалко. А еще ей было жалко себя. Если бы она

не сидела вот так ночами, то, скорее всего, у нее не было бы возможности учиться в гуманитарном классе. Но никто в ее семье этому не рад. Неужели они и правда не замечают, как она старается. А, может быть, именно потому что замечают, так реагируют. Ксюша часто думала об этом, но ни к одному более или менее логичному выводу она прийти так и не смогла. Переписав сочинение, она пошла по темному коридору, затем зашла в темную комнату, освещенную лишь светом уличного фонаря, разделась и легла спать.

Следующее утро было таким же унылым, как и вчерашнее и позавчерашнее и позапозавчерашнее. Отец, как всегда, встал раньше всех, покурил, побрился, позавтракал в одиночестве и пошел на работу. Затем встала мама, позавтракала, накрасилась быстренько и тоже убежала на работу. Ксюша встала чуть позже, т. к. собиралась она быстро и краситься ей было не нужно, хотя многие девочки в ее классе уже во всю красились. Но Ксюше это было не интересно, т. к. она считала себя очень некрасивой, а макияж, который она делала, как ей казалось, только подчеркивал все ее недостатки.

Ходила она не одна, а вместе с подругой из соседнего подъезда. Раньше они учились в одном классе, а теперь Рита поступила в математический, а Ксюша – в гуманитарный. Теперь Ксюша немного завидовала подруге. Дорога до школы занимала всего двадцать минут. На автобусе они ездили редко. Ксюша знала, что денег дома нет, поэтому старалась выходить пораньше, чтобы можно было дойти пешком. По-

чему пешком ходила и Рита, ей не было известно, т. к. в их семье деньги водились. Возможно, что это была привычка, т. к. учились вместе они аж с первого класса. Пока шли до школы, то все время болтали. О чем? Да обо всем. Только Ксюша не рассказывала о том, что папа приходит пьяный, хотя это было известно не только каждому жителю их дома, но и всего района. У ее отца было много знакомых, благодаря которым он и получал хорошие заказы и приносил домой больше денег и продуктов, но именно благодаря им, когда он пил, было известно, что Колян опять в запое. Да, Ксения Николаевна – полное имя Ксюши. Ее называли не в честь кого-то, а просто имя понравилось. Так она и стала Ксенией. Хотя ей самой это не нравилось и, она решила, что сменит его, когда вырастит. Кроме того, ее называли, как угодно, но только не Ксюшей. Некоторые учителя называли ее Оксаной, т. к. в этой же школе училась ее старшая сестра. На самом деле единственным сходством между ними были отчество и фамилия, все же остальное: характер, успеваемость, конституция тела, цвет волос и глаз, форма носа, да в общем все, все было другое. Но ее упорно называли Оксаной. Иногда к ней обращались «Рита», хотя с подругой она тоже не имела большого сходства, возможно, так происходило, т. к. сидели они за одной партой, рядышком. Но, когда ее называли Ритой, было менее обидно, чем – Оксаной, т. к. быть похожей на первую – ничего плохого, а быть, как вторая, Ксюше совсем не хотелось. Она относилась к этому так, что ее собственное

имя ей совсем не подходило, вот люди и искали замену, т. к. видели явное несоответствие. Это тоже самое, что, если бы человек показывал на картину Мадонны Леонардо, называя ее скульптурой. При этом, конечно же, хочется сразу его поправить и сказать, что это картина. Вот только в отношении человека это сложнее сделать. Новое имя Ксюша еще себе не придумала. Но время на это у нее еще было.

Ксюша не стала рассказывать о том, как восприняли ее новость о поступлении в гуманитарный класс, т. к. сложно признаваться, да еще и вслух, да еще и лучшей подруге, в том, что ты – неудачница. А именно так себя Ксюша теперь и чувствовала. Получалось, что она делала что-то не то. Хотя до этого говорили, что нужно было делать именно это. Она старалась, а выходило все не так. Было обидно. После таких разговоров она, как правило, долго не могла прийти в себя. Вот и сейчас Рита рассказывала о том, что ее мама очень обрадовалась новости, что ее дочь будет учиться в профильном классе. Ксюша вспомнила лицо своей мамы и, ей захотелось заплакать.

– Интересно, а, если что, можно будет перевестись в математический класс, – сказала она, с опаской смотря на подругу.

– Не знаю, – ответила та. – Количество мест ограничено. И сейчас класс набран полностью.

Ксюша кивнула головой, тяжело вздохнула и отвернулась. Как всегда, когда ей было плохо, она начинала говорить что-

нибудь об уроках. Сейчас она стала рассказывать о том, как трудно ей далось сочинение. Там нужно было писать о любви, о которой она совсем ничего не знала. Ксюша не понимала, что между людьми могут быть нормальные отношения. Она считала, что это просто рассказ, написанный автором, и прототипов в реальной жизни главных героев нет. Рита поддержала разговор об учебе. Папа Риты тоже пил, но в ее семье было принято поддерживать друг друга. А так как подруги были очень близки, то Рита соответственно поддерживала и Ксюшу. За что последняя была ей очень благодарна.

Сегодня по расписанию первым уроком была физика. Преподавали ее из рук вон плохо. Учитель только и говорил, что они все – идиоты и ничего из них не выйдет. Он иногда предполагал, что есть думающие ученики, но они не думают, т. к. им лень. На самом деле идти на такие уроки совсем не хотелось. Все, конечно, старались пропускать мимо ушей обидные слова, но в подростковом возрасте очень сложно что-то не принимать на свой счет. Ксюша знала, что она – молодец, т. к. решила все домашние задачи и параграф выучила почти наизусть, но ее, как обычно, не вызовут к доске. Должно быть, потому что учителю тогда не удастся сказать что-то обидное, или может по другой причине, но вызывали ее крайне редко. Ксюша на это не обижалась. На уроках физики, когда кто-то отвечал, она смотрела на школьную доску бурого цвета. Сама она из себя ничего не представляла, но, если долго не отрываясь на нее смотреть, то она начина-

ла двигаться. Так будто бы она очень мягкая, лежа на волнах, покачивается. Ксюше очень хотелось спросить учителя о том, что же это: обман зрения или действительно так может быть. Показывают же в фильмах людей, которые умеют сгибать палку силой мысли. Но, если бы она умела это делать, то движение доски заметили бы и другие. Ее одноклассники занимались совершенно разными делами: кто-то пытался спрятаться от учителя, чтобы он не вызвал к доске отвечать следующий параграф, кто-то играл в морской бой, кто-то рисовал, кто-то тихонько разговаривал. После порции унижения, достаточной для того, чтобы учитель мог получить удовлетворение, началось изучение новой темы. В школе практически отсутствовала материально-техническая база, необходимая для уроков физики, поэтому все опыты проводились в воображении. Пока учитель рассказывал, ученики отдыхали. Змея не выплескивала свой яд, а значит можно было расслабиться.

– Что это? – Максим Петрович пытался написать что-то на доске, но у него ничего не получалось. Мел будто не чувствовал доску. Если объяснять это явление с физической точки зрения, то можно сказать, что между доской и мелом не было трения.

Он попробовал с одной стороны доски, потом с другой, слыша позади себя хихиканье учеников. Вдруг он резко повернулся.

– Кто это сделал? – почти выкрикнул физик.

Класс резко стих. Лицо учителя искажилось от злости. Он смотрел сощуренными глазами, водя взгляд от одного ученика к другому. Все дети опустили головы вниз, уставившись в парты, исписанные глупыми надписями.

– Я все равно узнаю, кто у нас здесь решил, что умнее всех, – шипел Максим Петрович. – Завсиханов, – крикнул он.

– А что сразу Завсиханов? Как что, так сразу Завсиханов? – подал голос с последней парты вечный двоечник.

– Встать, – заорал учитель.

Завсиханов встал. Он отвернулся от доски и смотрел в окно.

– Бери тряпку и оттирай доску, – приказал Максим Петрович.

– Я с доской ничего не делал, поэтому и мыть ее не буду, – спокойно ответил ученик.

– Ты что мне еще перечить будешь? – брызгая слюной, орал физик.

Завсиханов молча смотрел в окно.

– Бери тряпку и мой доску, – повторил он приказ.

– Нет, – тем же спокойным голосом произнес ученик.

– Тогда убирайся отсюда. Слышишь? Вон.

Лицо учителя напоминало гримасу обезьяны, но смеяться не хотелось.

Завсиханов взял рюкзак и вышел.

– Открывайте дневник и записывайте домашнее задание.

К следующему уроку выучить параграфы с 65 по 70...

В классе поднялся недовольный говор.

– ...Нет, – поправился учитель, злобно улыбаясь. – По 75.

И скажите «спасибо» Завсиханову. Урок окончен.

Он ушел в лаборантскую, громко хлопнув дверью.

В классе сразу же стали обсуждать случившееся. Никто не знал, был ли это на самом деле Завсиханов или нет. Через пять минут прозвенел звонок. Ксюша пошла на следующий урок, а Рита в учительскую – ей нужно было что-то спросить.

Придя в класс, Ксюша вытащила дневник, учебник, тетрадь и ручки. Она сидела одна за партой. Никто не подходил к ней, т. к. списывать было нечего: была литература, а сочинение «сдувать» бесполезно. Это же сразу видно.

– Представляешь, – запыхавшись Рита влетела в класс и громко упала на стул. – В математическом классе одно место освободилось. Там какая-то девочка отказалась. Можно пойти написать заявление, – проговорила она. – Если ты, конечно, хочешь.

– Да, я хочу, – ответила радостно Ксюша. – А к кому идти?

– Пойдем. Я тебя отведу.

Они побежали в учительскую. За одним из столов сидела завуч.

– Маргарита Васильевна. Вот я вам ее привела, – запыхавшись, выпалила Рита.

– Здравствуйте, – робко сказала Ксюша.

– Здравствуйте, – оценивающе осматривая Ксюшу, ответи-

ла Маргарита Васильевна. – Значит ты хочешь учиться в математическом классе?

– Да, – твердо ответила Ксюша.

– А зачем же тогда экзамен писала для поступления в гуманитарный класс? – поинтересовалась учительница.

– Ну... – стала мямлить Ксюша. – Я думала... Что... А потом передумала, – закончила она свое невразумительное объяснение.

– Что же. Каждый имеет право передумать, – поддержала ее завуч.

Ксюша благодарно улыбнулась.

– Садись. Пиши заявление, – сказала Маргарита Васильевна. – Я сейчас дам образец.

Она достала из стола толстую папку, вынула лист бумаги формата А4 и протянула его Ксюше, затем дала чистый листок и ручку. Ксюша своим аккуратным почерком выводила буквы, которые впоследствии должны были привести к одобрению отцом ее пути. Она была счастлива. Теперь уж точно папа скажет, что она – молодец, т. к. он вчера прямым текстом заявил ей, что нужно было поступать в математический класс.

День тянулся долго. Так всегда бывает, когда хочешь, чтобы поскорее подошел какой-то определенный час. Она не могла дождаться, когда же, наконец, закончатся уроки и можно будет пойти домой. Когда они с Ритой шли из школы, то у Ксюши рот не закрывался. Они обе были счастливы,

что будут еще два года учиться вместе.

Дома у Ксюши в голове была только одна картинка: отец узнает, что она будет учиться в математическом классе, говорит, что теперь он доволен, что она – молодец. Сердце ее учащенно билось, когда она услышала, что в дверь кто-то вставляет ключ. Это были папа и мама. Отец, скорее всего, пришел раньше, но сидел на лавочке перед домом. Он часто так делал. Когда мама пыталась выяснить, почему он не идет домой, он отвечал, что его не пускают. На ее вопросы о том, кто не пускает и почему, он отвечал просто: «Не знаю. Не пускают и все тут». Вот и сейчас он дождался прихода мамы и с ней зашел. Ксюша не стала выпаливать новость сразу, а забрала у папы тяжелую сумку с продуктами и отнесла ее в кухню.

– Ну чего ты? – спросил отец, когда увидел, что она не заглядывает в сумку и ничего оттуда не берет. – Это я вам купил. Доставай.

Ксюша стала доставать продукты. Ее лицо было довольным, т. к. она предвкушала уже свою похвалу. Мама тоже зашла на кухню и села на табуретку у окна. Ее лицо было изможденным, как всегда. Ксюша достала все продукты, быстренько разложила их по полкам в шкафы и холодильник. Мама поставила кастрюлю с супом разогреваться и ушла переодеваться, а папа в ванную – отмывать рабочую грязь. Ксюше нужно было немного успокоиться, поэтому она решила помыть посуду. Через четверть часа они вернулись. Суп вски-

пел.

– Кто кушать будет? – спросила она.

– Кто будет? – пробурчал отец. – Наливай всем. Кто не будет, тот не будет.

Говорил сегодня он грубее, чем вчера. Ксюша решила, что расскажет о переводе после еды, когда он станет хоть чуточку довольнее.

Они быстренько покушали суп, а потом стали пить чай с вкусным печеньем, которое купил папа. За все время, пока они кушали, никто не проронил ни слова. Ксюша была довольна: тишина.

– Ну что вкусно? – спросил отец, обращаясь к Ксюше.

– Вкусно, – довольно ответила она.

Теперь, когда он сам заговорил, она решила, что можно рассказать.

– Пап, а я сегодня узнала, что в математическом классе освободилось одно место. Поэтому я написала заявление и, теперь буду учиться вместе с Ритой в математическом классе. Здорово, правда?

– Здорово, – недобро ответил отец. – И кем ты будешь после того, как отучишься?

Ксюша быстро посмотрела на маму. Та, уткнувшись взглядом в стену, молча пила чай. Ксюша поняла, что поддержку ждать неоткуда и опустила голову.

– Я не знаю. Но ты же вчера говорил, что... – попыталась оправдаться она.

– Что я говорил? – уже сказав на повышенных тонах, спросил ее отец. – Что там делать? Учителкой будешь работать? А может экономистом? Вон их сколько по домам сидят без работы. Что я не знаю что ли. Что толку от этой учебы, – закончил он, встал и пошел смотреть телевизор.

Ксюша помогла собрать маме посуду со стола. Еле сдерживая слезы, она отправилась в спальню. Сестры еще не было, поэтому она могла побыть одна. Ей так хотелось, чтобы сейчас ее кто-нибудь обнял и сказал, что она все правильно делает. Но этого кого-то не было. Ей захотелось убежать далеко-далеко, чтобы никогда не видеть этой квартиры и людей, живущих здесь. Она никак не могла понять, чего же на самом деле хотел ее папа. После девятого класса она могла либо пойти в десятый, либо поступить в техникум, либо совсем перестать учиться. С ее отличными оценками два последних варианта выглядели совсем не привлекательно. Учиться же в профильном классе намного лучше, чем в простом. Так думала Ксюша, но судя по словам отца, он считал иначе. Почему правильный путь он не называл, она не могла понять. «Может быть, – подумала она, – что папа хочет, чтобы я сама выбирала, не спрашивая совета и не требуя потом похвалу. Возможно, что пришло время выбирать самой, как это делают все взрослые?». Ксюша села у окна и посмотрела на улицу.

«Да, теперь я буду решать сама, что мне делать», – решила Ксюша.

Бесполезно просить похвалы от людей. Все мы разные. И чтобы понять другого человека нужно потрудиться, а это для ее родителей было непосильной ношей. Ксюша села за стол учить уроки. Затем пришла сестра, и снова включила музыку. Ксюша взяла учебники и ушла в ванную. Хотелось расплакаться, но она боялась, что кто-то постучит в дверь, она откроет, и этот кто-то увидит ее слезы. И вместо того, чтобы ее пожалеть, скажет, что она это сама заслужила.

Квартира №2

На кухне за грязным столом сидят двое: мужчина и женщина. Оба – пьяные, настолько, что могут еще говорить, но уже не могут ходить. Их лица оплыли. От них воняло, как от дворовых псов. Причин здесь может быть много: они редко мылись, редко меняли одежду, часто не доходили до дома и сваливались в какой-нибудь канаве, они постоянно были пьяными.

– Да, ты наливай. Чего сидишь? – спросил сердито он.

– А чо наливать-то? Все закончилось, – ответила она, переворачивая бутылку горлышком вниз и тряся ее изо всех сил, чтобы показать, что действительно внутри ничего нет.

– Как? – удивился он. – Что уже закончилась? А вторая?

– Так это и была вторая, – засмеявшись, ответила она.

– Светка, – крикнул он. – Светка, – крикнул он еще громче.

– Да чего ты орешь-то? В школе она еще. Мы дома одни.

– В школе, – передразнил он ее. – Чо там делать? Все равно ничему толковому не научат. Вся жизнь – на улице.

– Пусть учится: может толк выйдет, – не соглашаясь, ответила женщина.

– Толк может и выйдет, а за бутылкой бежать некому, – разозлившись, заявил он и стукнул кулаком по столу.

– Я щас сбегаяю, – заявила она, встала с табуретки, прошла

пару шагов вдоль стола, а когда опоры около нее не оказались, то упала, как камень на пол.

Он засмеялся, обнажая неполный рот желтых зубов. Лежа на полу, женщина тоже смеялась. Ее улыбка была похожа на ту, что имела Баба Яга в русских народных сказках.

Вдруг они услышали, что кто-то открывает дверь ключом снаружи.

– Кто пришел? – завопил он.

– Это я, – ответил детский голос.

– Светка, – обрадовался он.

Он – это отец Светы.

– Доченька пришла, – поддержала радостно она.

Она – это мать Светы.

Света прошла на кухню. Недовольно вода носом по воздуху, она посмотрела на родителей.

– А чем это у нас так воняет? – поинтересовалась она.

– Что? Чем воняет? – завопил отец. – Что не нравится?

Света отвернулась от отца и посмотрела на мать, желая получить ответ от нее.

– Ты, дочка, внимания-то не обращай, – успокаивала мать. – Просто у нас воду отключили. А в туалет-то хочется. Вот. Но мы как-нибудь уберем.

– Свины, – определила Света.

– Ты как с родителями разговариваешь? – опять закричал отец.

– Не хорошо так говорить, – поддержала мать.

– Тащи дневник. Щас посмотрим, как ты там учишься, – сказал отец, подмигивая матери и хихикая.

– А что вам мой дневник, – оскалилась сразу Света. – Я вам еще на прошлой неделе говорила, что вас в школу вызывают.

– В школу? Нас? – сделав вид, что испугался, отец, через секунду уже громко смеялся.

Мать тоже засмеялась, от чего ее очередная попытка встать с пола вновь увенчалась громким грохотом.

– Класснуха сказала, что сегодня будет звонить домой. Так что ждите звонка, – заявила дочь.

Отец с матерью засмеялись еще громче.

– А у нас телефон... тоже отключили, – выговорила мать, махнув рукой, когда они вдоволь насмеялись.

– Так что пусть звонит. Мы-то уж с ней поговорим, – угрожающе заявил отец.

Света не стала ничего отвечать, отвернулась и пошла к себе в комнату.

– Светка, – испуганным голосом завопил отец. – Ты куда пошла? А ну-ка вернись, – уже приказал отец.

– Светочка, доченька. Папа зовет. Иди сюда, – ласково звала мать.

– Чего вам? – спросила дочь, вернувшись на кухню.

– Сбегай в магазин, – жалостливо протянул отец. – Видишь же, что плохо нам с матерью.

– Да вам всегда плохо. Вы бы хоть накормили сначала. Я

с утра ничего не ела.

– А мы тебя накормим, – сразу же заявил отец. – Правда мать? – спросил он поддержки.

– Да-а-а, – кивая головой с огромной амплитудой, как лошадь, подтвердила мать.

– Да уж. И чем вы меня, интересно, накормите? – спросила дочь.

– Чем накормим, чем накормим, – начал кривляться отец. Затем стукнул кулаком по столу. – Не перечь отцу. Если не кормят, значит не заслужила еще. Поняла? – кричал он.

Света молчала.

– Нехорошо, доченька, родителей так огорчать. Мы же тебя любим. Все для тебя. А ты так с нами разговариваешь. Нехорошо это, – с беспокойством в голосе запричитала мать.

– Мать дай ей денег. Пусть сходит и купит нам бутылку. А больше не давай: она сегодня наказана. Будет знать, как разговаривать с отцом, – заключил он.

– Как же она без еды? Ты что уж? – попыталась заступиться за Свету мать.

– Как? Как? Когда научиться разговаривать, тогда и жрать будет, – ответил отец.

– Но ведь она растет. Ей десять лет всего. Что с ребенка-то взять, – говорила мама, глядя Свету по голой ноге.

– Я все сказал, – крикнул отец и опять стукнул кулаком по столу.

Пустая бутылка, стоявшая на нем, упала и покатилась

вниз.

Все, как замороженные смотрели, на нее. Первым очнулся отец.

– Ты еще здесь? – злобно смотря на дочь, завопил он.

– Да уже идет, идет уже, – ответила мать, сунув Свете несколько мятых и мокрых купюр, вытащенных с большим трудом из кармана.

– Больше не давай, – закричал отец. – Нечего баловать. А то вон как разговаривать-то их в школе научили. Говорю же, что толковому там ничему не научат.

– Да, ты отец не сердись. Идет она уже, – отвечала мать. – Ты, доченька, беги. Видишь же, что отец уже нервничает. А это вредно для здоровья, – сказала она, повернувшись к Свете.

«А разве водку пить не вредно?» – хотела спросить дочь, но во время одумалась, т. к. с последнего побоища у нее еще не зажили все синяки. Она прикусила себе нижнюю губу и пошла за водкой. Мать все же сунула ей несколько лишних купюр, подмигнув. Это означало, что она могла купить что-нибудь себе. Поэтому зайдя в магазин, она стала рассматривать витрину, чтобы выбрать себе что-нибудь на обед. Денег в ее кармане хватало только на половину булки и небольшой кусочек сыра. За прилавком стояла знакомая продавщица, поэтому, когда Света озвучила полный список того, что ей нужно, то та только сочувствующе посмотрела на нее, вздохнула и пошла за товаром. Она принесла все и еще два банана.

– Это тебе. Покушай. А то совсем же без витаминов. Щетки вон белые аж, – сказала чуть ли не со слезами на глазах продавец.

– Спасибо, – ответила Света, опустив голову.

Она расплатилась за товар и вышла. Раньше ей было стыдно принимать продукты или вещи поношенные, но уже не нужные, т. к. дети выросли, а потом потихоньку привыкла. Она понимала это, как откуп. Можно было бы ее забрать из этого ужасного дома, но нет, проще подкинуть пару бананов, как уличной собачонке, а уж, что дальше с ней будет – не их забота. На самом деле Свету такое положение вещей ничуть не расстраивало. Ей и не хотелось жить в нормальной семье, с нормальными родителями. Напротив, лучше потратить 15 минут на поход в магазин, чтобы купить родителям водку, и затем быть абсолютно свободной, чем каждый день учить уроки и изображать из себя послушную девочку. Нет. Она уже привыкла к тому, чтобы самой решать куда ей идти, когда и с кем. Голодной, если уж правду говорить, она никогда не сидела: вытащить пару купюр из кармана отца, матери, брата или какого-нибудь их друга, пока те храпят в пьяном сне, для нее было обычным делом. Они все равно, просыпаясь, всегда начинали кричать на нее, что она ворует у них деньги. Поначалу, когда она ничего не брала еще, ей было очень обидно, но потом, она решила, что ей должны оплачивать тот ущерб, который наносят ее неокрепшей детской психике подобными нападками. Кроме того, как го-

ворил ее отец и, она сама считала, за все в этом мире надо платить, а поход в магазин, как никак является действием, которое она совершает не по собственной воле, поэтому те деньги, что сунула ей мать, она воспринимала, как зарплату. Света не считала себя обязанной ходить по магазинам, когда это вздумается ее родителям. Нет. Если они сами говорили, что она должна заслужить еду, то это значит, что она все правильно делает. Света была абсолютно уверена в своей честности. Она даже приносила часть сдачи, что от совершенно постороннего человека нечего было и ждать.

Света не пошла домой, а свернула в другую сторону. Нужно было сначала поесть. Она не могла заявиться домой с продуктами, т. к. их у нее сразу же отобрали бы родители на закуску. Поэтому она пошла в ближайший парк, села на скамейке, достала булку, отломала ломоть, откусила сыра и стала жевать. Рядом в песочнице сидели маленькие детишки, мамашки болтали неподалеку на скамейке, одним глазом смотря на собеседницу, а другим в сторону песочницы. У женщин есть такая удивительная способность – делать сразу несколько дел одновременно. Вот и Света, жуя свой бутерброд, прикидывала в мозгах, сколько сдачи отдать матери. Пусть училась она плохо, но зато ее родители даже с помощью калькулятора умудрялись делать ошибки, поэтому, даже, если она ошибется в расчетах, то этого все равно никто не заметит. Тем более, что калькулятора в их доме уже давно нет – родители продали, когда не хватало денег на бутыл-

ку. Они так часто делали, поэтому в их доме периодически пропадали вещи. Света, зная это, носила все самое ценное всегда с собой. Из ценного у нее были золотая цепочка, подаренная ныне покойной бабушкой, фотография семьи, когда родители еще не злоупотребляли спиртным, и... И все. Небогато, зато это было все ее. Однажды отец среди ночи влетел в ее комнату и стал требовать цепочку.

– Светка, – тормошил он ее. – Светка, вставай.

– Чего тебе? – полусонная спросила Света. Она не испугалась, т. к. это было обычным делом. К ней в комнату также спокойно могли войти и совершенно чужие люди, которых даже ее родители видели сегодня в первый раз в жизни.

– Дай мне цепочку. Горит у меня все, – держась за горло, прохрипел отец.

– Какую цепочку? – спросила, будто не понимая, Света.

– Да, что ты придуриваешься, – закричал отец. – Твою. Я отдам потом.

– Ты, что батя, совсем с ума сошел? – спросила Света, крутя пальцем у виска. – Ты ее еще полгода назад у меня забрал. Обещал между прочим вернуть и до сих возвращаешь, – повышая голос, заявила она.

– Когда это? – удивленно спросил отец, почесывая затылок. – Ты чего мне врешь-то? – закричал он, толкнув Свету в плечо.

– Больно же, – крикнула она. – Ничего я не вру. Сам забрал.

– Ах ты, дрянь маленькая, – завопил отец. – Ну я тебе сейчас покажу.

Он стал избивать ее, требуя цепочку. Света на это отвечала, что ее уже нет, что он сам забрал. Потом перестала что-то говорить, т. к. уже не было сил. Он выбил ей два зуба, и они валялись кровавые около кровати. Мать прибежала, пошатываясь, стала оттаскивать отца. В итоге и ей досталось. Мать рыдала, Света просто лежала на полу, не имея никаких сил встать.

– Ну, ладно, – сжалился отец. – Значит: действительно нет.

Он вышел из комнаты, а потом Света услышала стук входной двери: ушел искать деньги у прохожих на улице.

С тех пор о цепочке он уже не заговаривал. Так что Свете она стоила двух зубов, хорошо, что хоть не передних.

От сухости употребляемой еды она поперхнулась и закашлялась. Сложив в свою сумку остатки булки и хлеба, а также два банана, она поплелась домой.

– Явилась – не запылилась, – заворчал отец, как только Света зашла в квартиру. – Чего стоишь? Давай бутылку, – приказал он.

Света достала бутылку и часть денег заранее заготовленные, чтобы отдать матери, развернулась и молча пошла к себе в комнату.

– Ты сдачу-то проверь. А то у нее лицо что-то уж больно довольное, – сказал отец матери.

– Да, что уж ты. Все правильно она отдала, – замахав руками и смотря на бутылку, которую открывал ее муж, ответила мать Светы.

Он наливал аккуратно, так, чтобы ни одна капля не расплескалась. И, не смотря на то, что руки у него сильно дрожали, он действительно не пролил ни капли.

– Ну, мать, за здоровьечко, – улыбаясь и смотря на рюмку, произнес тост отец.

– За здоровьечко, – стараясь говорить милым голоском, пыталась выдать из себя жена, но горло не позволило ей использовать столь нежные интонации, поэтому она поперхнулась и стала громко кашлять.

– Да, ты что делаешь? – заорал отец, видя, как драгоценные капли из рюмки жены, стали расплескиваться по столу. – Совсем, старая, с ума сошла, – заявил он, отбирая рюмку.

Жена тряслась от кашля, но он к ней даже не подошел, смотря на небольшие лужицы на столе.

– Ух, шас как дал бы тебе, – заноса руку для удара, сказал он.

Посмотрев в этот момент наконец-то на жену, он вдруг увидел, что она стала совсем малиновая.

– Эх, ты... Дура, – произнес он и сильно ударил ее кулаком по спине.

Она свалилась со стула, но кашлять перестала. Тяжело дыша, она поднялась.

– Спасибо тебе, родненький. Я уж думала, что все: смерть

моя пришла, – крестясь произнесла жена.

– Спасибо, спасибо, – снова заворчал он. – Бери рюмку. Даже выпить нормально в этом доме не дают.

Жена взяла рюмку, они теперь уже молча чокнулись и залпом выпили все содержимое рюмок. Еды в доме не было, поэтому они занюхали это дело рукавом.

– Эх, – взбодрился отец. – Хорошо пошла.

– Хорошо, – протянула, довольно улыбаясь, мать.

– Давай еще по одной, – сказал он, протягивая руку к бутылке.

– Давай, – согласилась сразу же мать.

Он разлил еще по рюмке, и они, вновь ничего уже не произнося, выпили залпом.

– Жрать охота, – сказал отец.

– Ага, – поддакнула мать.

– Светка, – закричал отец. – Светка.

– Чего тебе? – спросила Света, зайдя на кухню. – Ну и вонь у вас здесь. Вы бы хоть форточку открыли.

– А ты нам не указывай, – заплетающимся языком пытался воспитывать Свету отец. – Светка, сделай че-нибудь пожрать, – сказал он.

– Что? – спросила Света.

– Я не знаю. Что ты умеешь, то и сделай.

– А продукты у вас есть? – ехидно спросила дочь.

– Она меня сегодня доведет, – обращаясь к жене, сказал отец.

– Доченька, ты чего. Сегодня же шестое число, – сказала мать Свете. – Папе пенсию принесли, – улыбаясь закончила она.

– Так что уважай отца, – заявил он.

– Доченька, ты бы сходила за колбаской в магазин. А? – жалобным тоном попросила мать.

– А чего это ты ее просишь? – злясь, спросил отец. – Нечего их баловать. Как родитель сказал, что надо: значит надо. Иди в магазин и купи колбасы и хлеба. Только белого, а то у меня от черного изжога, – глядя свой желудок, и делая страдающее лицо, произнес он.

– Денег давайте, – заявила Света, понимая, что сегодня может неплохо разжиться.

– Все бы вам деньги только, – махая руками перед лицом Светы, язвил отец.

– Не будет денег – не будет еды, – заявила спокойно Света.

– Нет, ты посмотри на нее. Она сегодня мне хамит и хамит. Видно давно я тебя не бил, – собирая пальцы в кулак, сказал грозно отец.

Света молчала.

– Ты, доченька, папу не зли. Он у нас молодец. Деньги в дом несет, не то, что некоторые: на стороне пропивают. Нет. Он все в дом, – ласково смотря на мужа, заключила жена.

– Вот. Уважать меня надо, – довольно, расплывшись в улыбке, как мартовский кот, сказал отец.

Он достал из кармана несколько купюр уже большего размера, чем давала ей прежде мать и сунул их Свете в руки.

– Сдачу принесешь, – заявил он.

– А как же, – улыбаясь, ответила Света, беря деньги и думая уже при этом о том, что бы себе купить вкусненькое.

Она вновь отправилась в магазин.

– Бедняжка. Что опять тебя гоняют? – жалостливо спросила продавщица Свету, когда та вновь приблизилась к прилавку.

– Мне палку колбасы, буханку белого хлеба... – не ответив на вопрос, сразу стала перечислять Света список продуктов, который ей нужен был, – нет, лучше две буханки, – поправила Света.

– Это все? – поинтересовалась продавщица.

– Да, – твердо ответила маленькая покупательница.

Она знала, что брать в этом магазине что-то еще, уже явно для себя, например, мороженое или шоколадку, ей было нельзя. Иначе в следующий раз, когда ей действительно нужна будет помощь, она ее не получит. Поэтому расплатившись и забрав продукты, она направилась в другой магазин – напротив.

После пятиминутного разглядывания витрин она решила, что купит себе мороженое. Шоколада ей не хотелось, а про запас она старалась ничего не покупать, т. к. продукты легче найти, чем деньги. А если уж ее отец найдет у нее продукты, то это будет означать только одно – ее изобьют. Она вновь

отправилась в парк, открыла мороженое и стала смотреть, как оно медленно тает на солнышке. Потихоньку оно стало капельками сползать вниз. Она подцепила языком эту каплю и пошла вверх по мороженому. Это было приятно. Оно было холодное, сладкое, со сливочным вкусом. Орешки приходилось разжевывать, но они были вкусные. Вдруг она заметила, что мужчина, сидящий на скамейке рядом, внимательно на нее смотрел. Когда она повернулась в его сторону, то он ей улыбнулся. Она все сразу поняла. Доев мороженое тем же способом, что и в начале, она достала один из бананов, посмотрела с ухмылкой на мужчину, и разломала со всей жесткостью банан на две части. Затем вновь уже со злостью, глянула в сторону его скамейки. Он сразу же отвернулся, перзал немного, а потом резко встал и пошел в ее сторону. Света не ожидала, что он так сделает, и стала оглядываться по сторонам, пытаясь понять: можно ли на кого-то будет рассчитывать или нет. К ее счастью рядом было много людей. Проходя мимо нее, он бросил на ходу: «Дура» – и пошел дальше. Света показала его спине язык и стала есть банан. Она слышала о таких, кроме того, она еще чуть не попалась однажды на такую же вот улыбку, но тогда ей повезло – она смогла убежать через форточку в туалете. Она никогда не забудет этих удивленных, выкрикнутых из окна туалета, его слов: «Ты куда?». Кажется, он был реально удивлен, совершенно не мог понять куда это она убегает. А главное – почему. Но Света интуитивно чувствовала, что ее ждет что-

то плохое.

Она доела банан, поделила деньги и отправилась домой.

– Где тебя все время носит? – забрюзжал отец, вырывая у нее из рук сумку с продуктами.

Он достал колбасу, хлеб, потряс сумку, поднял голову и, пристально глядя дочери в глаза спросил: «А сдача где?». Света достала заранее приготовленные деньги из кармана и положила их на стол.

– Себе ничего не брала? – грозно спросил он.

– Тут и брать-то нечего, – буркнула Света, повернулась и пошла к себе в комнату.

– Да что вы говорите? – язвил отец. – Богатая больно стала. Все с этого дня ни копейки больше не получишь, – кричал он ей вдогонку.

– Получить-то может и не получу, а вот взять – возьму, – тихонько, только для себя, произнесла Света.

Она достала оставшиеся деньги, подняла половицу, отковыряла одну из досок и положила деньги в свой тайник. О нем знала только она, т. к. сама его и сделала.

Потом она завалилась на кровать и стала смотреть в потолок. Уроки делать ей совсем не хотелось. Она ждала... Ждала того, что ее родители окончательно напьются, уснут и она сможет взять себе столько денег, сколько захочет. Но, понятное дело, в пределах разумного. Делала она это просто. Приносила пару заранее заготовленных пустых бутылок, подкладывала их к свежевыпитым. Поэтому, когда родители просы-

пались и обнаруживали, что денег не хватает, то она могла, указывая на пустые бутылки, сказать, что они ее посылали в магазин еще раз. Они путали дни, недели, часы, поэтому обманывать их было просто.

Она лежала и смотрела в потолок. За окном проплывали облака, из кухни доносились пьяные крики. Она чувствовала усталость, т. к. из-за ночных попок часто не высыпалась. Она накрылась одеялом, повернулась на бок и думала, ожидая, когда подойдет сон.

Не смотря ни на что, она любила своих родителей. Она считала, что они не виноваты. На самом деле у каждого человека есть в жизни что-то «слишком». Это нормально. Это вредно, но нормально. Чрезмерное употребление чего угодно – это вредно. Например, кушать – полезно, даже нужно, но много кушать – уже вредно, т. к. приводит к ожирению. Даже воздух может стать вредным, если увеличить в нем количество так необходимого нам кислорода. На бутылках пишут: «Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью». На взгляд Светы, то же самое должны писать на всех продуктах. Она представила себе картинку: заходит в магазин, покупает мороженое, а там на этикетке большими буквами написано «Чрезмерное употребление мороженого вредит вашему здоровью». Вроде бы и глупо, но на самом деле так оно и есть. Она не понимала: почему ее родителям нельзя пить водку и ходить пьяными, а продавщице, которая угостила сегодня ее бананами, можно много кушать и ходить

такой толстой. Она же тоже подает плохой пример. Но продавщица – хорошая, а родители Светы – плохие. В ее мозгах это никак не укладывалось. Она считала, что каждый волен делать то, что он хочет. И эта толстушка не вправе упрекать ее родителей, т. к. сама не является совершенной. Совершенства в жизни не бывает. Света знала, что даже она не совершенна, т. к. очень любила сладкое. Взрослые постоянно говорят, что от сладкого полнеют, но Света за собой этого не замечала. Напротив, она была очень худа. Исходя из этого и некоторых других примеров, Света считала, что взрослые очень часто ошибаются. Иногда она спрашивала учительницу в школе о том, почему так, а не иначе. Учительница отвечала, но потом Света задавала опять вопрос «почему?», учительница вновь отвечала. Но на четвертый раз она уже начала злиться, и не давала ответа. Хотя Света только вот-вот подбиралась к главному. Поэтому со временем она перестала задавать вопросы, а тихонько сидела за своей партой. Своих одноклассников она считала глупыми детишками, которым до нее еще расти и расти.

Спустя некоторое время она уснула. Сны Свете снились часто. В основном плохие. То за ней кто-то гнался, то она за кем-то гналась. Все это происходило, как правило, ночью, даже, когда она ложилась днем, как сейчас. Поэтому все краски были темные, ей постоянно было холодно и запахи в ее снах были отвратительные. Поэтому Света не любила сны. Пыталась определить причину их возникновения:

засыпала сначала на левом боку, потом на правом, но плохие сны снились и на том, и на другом. Потом она стала спать без одеяла, но это тоже не помогло. Потом она стала спать в одежде, но и это не сработало. Потом она перевернулась и спала головой к окну, но и это было напрасное действие. Она совершенно не могла понять: в чем тут дело.

– Опять нажрались, – услышала Света сквозь сон крики Андрея.

Андрей – это ее старший брат. Разница у них в возрасте целых десять лет, поэтому Андрею сейчас уже двадцать.

Он ввалился в спальню, т. к. она у них была общая, громко хлопнул дверью и улегся на кровать.

– Мелкая, – позвал он.

– Чего тебе? – спросила Света, укутываясь в одеяло еще плотнее.

– Чего, чего, – передразнил ее Андрей так же, как это делал отец, – иди ужин мне приготовить.

– У нас продуктов нет. Из чего я тебе буду готовить? – злясь за то, что ее разбудили, спросила Света.

– Ну, и дом. Человек с работы пришел, а его даже не накормят, – жаловался Андрей, доставая из кармана деньги.

Он кинул несколько бумажек ей на кровать.

– Купи яиц и молока. Сделаешь мне омлет, – сказал он, пялясь в потолок.

– Я не хочу никуда идти. Сам иди, – запротестовала Света.

– Чего, чего? – переспросил Андрей, смотря на сестру. –

А ну, живо встала и пошла в магазин, – приказал он.

Он подошел к кровати и отдернул ее одеяло. Света поежилась.

– Живо, – прикрикнул Андрей.

Света, нехотя встала, оделась, взяла деньги и пошла в магазин.

– Можешь себе мороженое купить, – вдогонку крикнул Андрей.

– Я не хочу, – ответила со злостью Света.

– Ну и черт с тобой, – отозвался он из комнаты.

Андрей пил так же, как и ее родители, но иногда он завязывал. В такие дни Света его начинала ненавидеть, т. к. ее свобода подвергалась нападениям.

– Мне яйца и пакет молока, – сказала Света продавщице, зайдя уже в третий раз за этот день в магазин.

Продавщица уже ничего не сказала, а лишь вздохнула. Света забрала продукты, расплатилась и пошла домой. Она никогда не брала у Андрея деньги. На это у нее было две причины: он мог заметить и, она не хотела быть ему должной. Родители были обязаны ее кормить, а вот брат – нет. Света принесла продукты домой и положила их прямо в пакете на кровать Андрея.

– Держи, – сказала она, протягивая сдачу.

– Можешь себе оставить, – сказал высокомерно Андрей.

– Мне не надо, – ответила Света, положила сдачу рядом с ним и легла на свою кровать.

– А чего это ты разлеглась? – возмущенно спросил Андрей. – Иди омлет готовь. Я с работы пришел, устал, мне поесть надо.

– Тебе надо – ты и готовь, – ответила Света, отвернувшись лицом к стене.

– Ты, чего-то сестренка совсем про уважение к старшим забыла, – сказал он, схватив за руку и сдернув с кровати.

– Пусти, мне больно, – закричала Света.

– Не ори, – сказал Андрей, отпустив ее руку. – Иди на кухню и готовь.

– Я не умею делать омлет.

– Так я тебя научу. Пойдем.

Они пошли на кухню, где за столом чокались оба их родителя.

– Бери яйца, разбивай их в кастрюлю, добавляй молока, соли, перца, взбалтывай все это и заливай в сковородку. Вот тебе и омлет, – сказал Андрей.

Света стала все это делать.

– А чего это ты здесь командуешь? – спросил недовольно отец.

– А того, что я с работы пришел, а мне даже пожрать нечего, – повысив голос, ответил Андрей.

– С работы он пришел, – ворчал отец тихонько, отвернувшись к окну.

Отец боялся Андрея, т. к. очень часто оказывался битым им. Андрей был моложе и сильнее. Бывало так, что после то-

го, как Андрей бил отца, если у последнего еще оставались силы, то он вымещал зло на жене и дочери. Андрей иногда бил мать, но сестру никогда. Он мог толкнуть ее, взять сильно за руку, но бить – никогда не бил. Напротив, даже защищал от отца. И это происходило независимо от того был он пьяным или трезвым. Он относился к ней хорошо, но Света не могла это принять, даже иногда и понять, поэтому брата она недолюбливала. Она считала, что он заставляет ее готовить ему только для того, чтобы поиздеваться. Поэтому, когда он говорил, что это ей в жизни пригодится, она совершенно искренне ему не верила.

– Ну чего ты возишься? – спросил Андрей, когда заметил, что Света что-то ковыряется в кастрюле.

– Скорлупа упала, – чуть ли не плача, ответила она.

– Ну и что. Вытащи и все, – сказал Андрей, уже более ласково.

Он взял у нее кастрюлю, опустил туда руку, достал скорлупу и сунул кастрюлю обратно в руки сестре. Света еще раз все перемешала, включила газ, поставила сковородку и только хотела вылить молоко с яйцами, как брат крикнул.

– Стой. А масло. Сначала масло нужно налить, – поучал он.

Света тяжело вздохнула, закатив глаза и пожелав, чтобы он поскорее вновь начал пить, достала бутылку масла, налила на сковородку. Затем взяла кастрюлю, посмотрела на брата. Тот одобритительно кивнул и, она вылила все в сковород-

ку. Через двадцать минут запах омлета смешался с запахом из туалета. Света решила, что ее сейчас стошнит. Андрей, должно быть, чувствовал тоже самое, потому что на лице у него была жуткая гримаса.

– Ну, вы и свиньи, – сказал он, обращаясь к родителям.

– Что? – завопил отец.

– Иди и убери, чтобы здесь не воняло.

– Ничего я убирать не буду. Понял? – ответил отец, вставая. – Моя квартира. Если что-то не нравится, то можешь сваливать отсюда.

– Это ты сейчас свалишь отсюда. Понял? – уже кричал Андрей.

– Да, я пойду уберу, – сказала мать, пытаясь их примерить.

– Нет, – крикнул ей Андрей. – Это сделает он. А то я... –

Он не закончил фразу.

– Что? Что ты сделаешь? – спросил с вызовом отец.

Андрей схватил нож со стола, которым только что была порезана колбаса.

– Я тебя убью, – тихо сказал Андрей, смотря на отца из-под лобья.

– Ой, напугал, – засмеялся отец. – Страшно-то как. Да ты не переживай. Давай, – он поднял рубашку, выкатив свой тощий живот вперед. – Да ты не бойся. Здесь большого ума-то не надо.

Рука, которой Андрей держал нож, стала белой. Света и ее мать стояли молча, наблюдая за этой сценой.

– Иди и убери свою парашу, – сказал еще более спокойно Андрей.

– Нет, – заявил отец.

Андрей подошел к нему, взглянул в глаза и воткнул нож в живот. Он прошел неожиданно мягко. Андрей вытащил его и еще раз воткнул. Это было так просто. Мать взвыла, Света стояла молча. Из ее глаз потекли слезы.

– Спасибо, сынок, – сказал отец и рухнул на пол.

– Ты что сделал? – кричала мать.

Она упала на колени и стала тормошить отца. Но он не шевелился.

– Тебя посадят. Слышишь, – кричала мать на Андрея. – Дурак —ты! Как же мы жить будем? Ты бы хоть о сестре подумал.

– Я о ней как раз и думал, – ответил Андрей.

– Ах ты гад, а обо мне... Обо мне кто теперь думать будет? – злилась мать.

Андрей резко повернулся к ней. Он все еще держал в руках окровавленный нож, поэтому мать отпрянула, испугавшись.

– Собаке – собачья смерть, – сказал он.

Андрей отпустил нож и тот с грохотом упал на пол. Он собрался и ушел. Мать рыдала около отца. А Света совершенно не знала, что ей делать. Она развернулась и пошла к себе в комнату, легла в кровать и почти сразу же уснула.

Квартира №3

– Лизонька, доброе утро, – сказала бабушка Оля своей внучке.

Девочка трех лет повернулась к бабушке, улыбнулась и потянулась.

– Доброе утро, – выкрикнула она.

– Пора вставать, умываться и кушать, – сказала Оля.

– Не хочу вставать, – заявила Лиза.

– Как так? – спросила удивленно Оля. – А как же завтрак?

– Завтрак? – задумавшись сказала Лиза.

– Да, завтрак.

– А что мы будем кушать?

– Мы будем кушать вкусную молочную манную кашку с бананом и грушей.

– Не хочу манную кашу. Можно я просто банан съем и грушу? – попросила Лиза.

– Нужно кашку есть, чтобы расти, а, если не будешь кашку есть, то так и останешься такой маленькой.

– А я вчера кашу ела, а так и не выросла, – заявила обиженно Лиза, надув губы и скрестив руки на груди.

– Конечно, ты же растешь на чуть-чуть совсем, – сказала бабушка Оля, показывая насколько она растет.

Промежуток между указательным и большим пальцами, который показала бабушка, внучку расстроил. Она тяжело

вздохнула.

– Это очень мало. Я хочу быстрее расти.

– А ты кушай побольше и вырастишь, – сказала Оля. – Давай, поднимайся, а то мне еще на работу нужно успеть.

Лизонька вылезла из кровати, и Оля стала ей помогать одеваться. Хотя на улице было лето, но девочка носила колготки, т. к. жили они на первом этаже, а внизу был подвал. Не спасали от холода даже ковры, которые покрывали почти все полы в квартире.

– Бабушка, а мне приснилось, что я летала, а внизу было все зеленое, – рассказывала Лиза.

– Если летаешь во сне, то это значит, что ты растешь, – ответила бабушка Оля.

Лиза бубнила, не умолкая, ни капли не пытаясь помочь бабушке надеть колготки. Но бабушка вырастила маму Лизы и ее сестру, поэтому оделись они быстро.

– А теперь пойдем зубки чистить, – радостно предложила бабушка.

– Нет, – заявила Лиза, – мама чистит зубки после еды только. И я буду чистить, только, когда покушаю.

– Что ж. Хорошо. Тогда пойдем кушать, – предложила Оля.

– Пойдем, – деловито ответила Лиза.

Взяв бабушку за руку, внучка повела ее на кухню, так, как будто бы идея о завтраке была ее. Оле это понравилось, т. к. теперь она будет играть роль маленькой девочки, а Лиза

будет ее уговаривать кушать. Когда они менялись ролями, то Лиза, незаметно для себя, съедала больше, чем обычно. Естественно, что бабушку это очень радовало.

– Накладывай, пожалуйста, кашу, – командовала Лиза.

– Накладываю. Уже накладываю, – торопясь ответила Оля.

Бабушка взяла две тарелки, одной из которых была личная тарелка Лиза. Отличалась она тем, что на дне был нарисован прекрасный мишка с большим бочонком меда. Когда перед Лизой ставили тарелку с едой, то говорили, что мишку держат в заточении и его нужно выпустить, а для этого нужно съесть все, что бабушка или дедушка положили. У Лизы были еще тарелки, но эту она любила больше всего. Наложив кашу и щедро сдобрив ее маслом, бананами и грушей, Оля поставила тарелку с мишкой перед Лизой, а другую – перед собой. Ложки уже лежали на столе.

– Бери ложку и кушай, – продолжала командовать внучка. – Приятного аппетита.

– Спасибо, – ответила бабушка. – Тебе, Лизонька, тоже приятного аппетита.

Лиза улыбнулась, зачерпнула ложкой кашу, положила ее в рот, стала жевать, а сама в это время все поглядывала на бабушку, проверяя: кушает она или нет.

– Ой, вкусная кашка, – сказала Оля.

– Вкусная. Бабушка, а у нас сахар есть? – спросила Лиза.

– Сахар есть. Тебе добавить?

Лиза мотнула головой в знак согласия. Сахарница стояла на столе, поэтому вставать никуда не нужно было. Оля протянула руку, взяла сахарницу, вынула маленькую ложечку и посыпала сахаром кашу в Лизиной тарелке. Затем она перемешала все хорошенько. Лиза в это время мотала головой, оглядывая кухню, так будто бы она видит ее впервые.

– Вот. Все. Кушай, – сказала Оля.

– Спасибо, – улыбнулась Лиза и стала работать ложкой.

– На здоровье, – ответила Оля, погладила внучку по голове, а затем продолжила свой завтрак.

– Бабушка, а когда мама позвонит? – спросила Лиза, когда они все доели и Оля наливала чай.

– Сегодня должна позвонить.

– Ты вчера так говорила, – грустно сказала Лиза.

– А я вчера ошиблась. Ты уж прости меня. Старая я стала, вот и забываю, – сказала Оля, отворачиваясь от Лизы.

Оля не умела врать, а тем более ребенку. Ее дочь Таня должна была действительно позвонить вчера, но она так и не позвонила. Вечером Оля написала гневное сообщение дочери о том, что у нее здесь дочь и с ней, как минимум, нужно хотя бы общаться. Ответ пришел в два часа ночи: «Я забыла. Позвоню завтра». О том, как можно забыть о родной дочери, Оля не понимала, т. к. воспитала своих сама и бабушке на шею их не скидывала. Таня же, как только Лизе исполнилось полтора года, сказала, что ей нужно искать работу. Дед уже был на пенсии, поэтому посидеть с внучкой мог и он.

Так они и сделали. Но Таня спустя месяц после начала поисков заявила родителям, что работы в их городе нет, поэтому она решила перебраться в город побольше. Как ее ни отговаривали, она собрала вещи и уехала, оставив внучку на попечении бабушки и дедушки. Поначалу она звонила часто, потом реже, а потом стало вот так: пока ей не напомнишь, что у нее здесь дочь растет, она сама и не вспомнит. Поначалу родители думали, что это временно, что в большом городе ей не понравится и, она вернется. Но прошло уже больше полутора лет, а приезжала она за это время только один раз: на день рождения дочки. Тогда Таня привезла много подарков Лизоньке, все ей разрешала, поэтому Лиза ее запомнила только с положительной стороны. О том, что в обычных семьях ребенок видит маму каждый день, она не знала, т. к. в садик не ходила, а с детьми своего возраста не играла, т. к. деду было стыдно сидеть около песочницы, где играли все остальные дети, поэтому он устроил небольшую песочницу прямо за лавочкой перед домом. Делал он сразу два дела: узнавал у соседних мужиков новости и гулял с внучкой. Поэтому Лиза была уверена, что мама – это явление хорошее, но редкое. В садик ее не отдавали, т. к. дед все время сидел дома, а за садик нужно платить. Дед же хоть и ворчал, но платы не требовал, поэтому бабушка решила, что будут они обходиться без садика. Дедушка с внучкой не занимался, а просто следил, чтобы была накормлена, обутая и одетая. Воспитанием же и обучение занималась Оля, когда прихо-

дила вечером после работы. Пока она готовила ужин, то пыталась чему-нибудь научить Лизу: новой букве, цифре. Или они повторяли что-то с предыдущих дней.

В коридоре слышались шаркающие шаги бабушки. Он из спальни напрямиком направился в туалет, чтобы покурить.

– Куда ты пошел? – крикнула ему бабушка.

– В туалет, – ответил полусонный голос деда.

– Смотри не кури там, – наставительно произнесла бабушка. – Лизе вредно дышать табачным дымом. Если уж так нужно, то иди на улицу.

– Что я в трусах на улицу пойду? – спросил, озлобившись дед.

– Зачем в трусах? – удивленно спросила бабушка. – Одевайся, да иди, – затем она посмотрела в коридор на деда и добавила еще. – А тебе и в трусах можно. Подумаешь, за дуралка примут, – она засмеялась, подмигивая Лизе.

Лиза тоже засмеялась, но не потому что поняла что-то, а просто потому что бабушка смеялась, а злого выражения лица бабушки она не видела, т. к. сидела за столом лицом к окну.

– Что ты издеваешься-то? – негодовал дед.

– Я не издеваюсь, – закончив смеяться, добро ответила бабушка. – Пойдем завтракать.

– Сейчас приду, – ответил дед.

– Вот бабушка у нас какой. Да, Лиза? – обратилась Ольга к внучке.

– Да-а-а-а, – ответила Лиза, беря еще одну вафлю с шоколадной начинкой из вазочки.

Оля к чаю развернула себе конфету, т. к. вафли, печенья, пряники она не любила. Поэтому чай она пила с конфетами или вареньем, которое они делали каждое лето. У деда была машина, поэтому, когда приходило время, они брали Лизу и ехали за ягодами. Потом целый вечер они чистили ягоды, мыли и варили. Это был самый интересный и вкусный этап. Бабушка Оля собирала пенку, накладывала в небольшое блюдо, немного остужала и звала Лизу. Раньше она звала дочек, теперь зовет внучку. В свое время Олю также звала ее мама. Оля очень любила пенку с варенья, но, как только появились дети, она решила, что уже не маленькая, а детям нужнее, поэтому делала вид и говорила, что она вообще ее не любит, хотя на самом деле ей очень хотелось поест ее, как в детстве. Лиза ела с удовольствием и как только Оля посмотрела на лицо внучки, то поняла, что она не хочет никаких пенок, а хочет, чтобы внучка всегда была довольна жизнью, как сейчас. На следующий день все накладывали в банки. Что-то оставалось, поэтому бабушка перекладывала остатки в небольшую вазочку и ставила ее на стол. До тех пор пока вазочка не опустошалась, Лиза пила чай исключительно с вареньем и куском ржаного хлеба. Хотя и без чая было вкусно, поэтому на кухню она наведывалась чаще обычного, но бабушка все попытки перекусить пресекала.

– Нечего портить себе аппетит. Скоро кушать будем, – го-

ворила она, морща лоб, и делая недовольное лицо.

– Я маленький кусочек только съем, – говорила Лиза, двигаясь ближе к столу, но бабушка в этом вопросе была непреклонна.

Дед зашел в кухню и заглянул в кастрюлю, сморщив лицо, он повернулся к раковине и посмотрел на две грязные тарелки с остатками манной каши.

– А у нас еще что-нибудь есть? – спросил он жалостливо.

– Суп в холодильнике, – ответила быстро Оля. – Если хочешь, то разогревай. А мне бежать на работу надо, – сказала она, допив последний глоток чая и вставая из-за стола.

Затем она быстренько помыла посуду и пошла в комнату одеваться.

Дед налил себе суп в тарелку и поставил в микроволновку разогреваться.

– Чего ты? – спросил он, увидев, что Лиза смотрит на него, улыбаясь.

– А дед в трусах ходит, – сказала она, хихикая.

Дед вытаращил глаза, а потом ушел в спальню и быстро натянул штаны.

– Ты чего? – спросила его Оля, видя, что дед очень торопится. – Курить собрался? Лизу возьми. Я сейчас ухожу.

– Да, нет. Не курить, – сконфуженно ответил дед.

Оля удивилась его поведению, но расспрашивать было некогда, поэтому она надела платье, подвела глаза в один миг, губы накрасила – в другой и уже была готова к трудо-

вому дню.

– Так все, я побежала, – быстренько отчиталась она.

– Ага, – ответил дед из кухни.

– Закрой за мной, – крикнула Оля.

– Я закрою, – крикнула в ответ Лиза, вскакивая со стула и убегая к входной двери.

Дед поплелся за ней.

– До свидания, бабушка, – Лиза махала своей маленькой ручкой.

– До вечера, Лизонька, – ответила бабушка и улетела.

Не смотря на свой уже приличный возраст, Оля была очень худая, поэтому летать ей удавалось легко.

Дед стоял, как сторонний наблюдатель, не участвуя в сладкой, приторно сладкой, как ему казалось, сцене. Он дал Лизе ключи, приподнял ее, чтобы она могла достать до замочной скважины.

– Вот, а теперь налево поворачивай, – сказал он, когда Лиза полностью вставила ключ.

Она, прикладывая большие усилия, кряхтя, поворачивала ключ налево.

– Все? – спросила она после одного полного оборота и щелчка замка.

– Нет. Еще один раз, – сказал дед.

– Я больше не могу, – захныкала Лиза. – Теперь ты.

Дед опустил внучку на пол, взял ключ и легко провернул его еще раз. Затем вынул и повесил на гвоздик, который на-

ходилса высоко, чтобы Лиза не могла его достать, даже, если принесет табуретку.

– Пойдем есть, – сказал дед свысока.

– Я уже ела, – заявила Лиза.

– Ты ела, а я – нет. Пойдем: посидишь со мной.

Вместе они отправились на кухню: дед еле-еле волоча ноги, т. к. до сих пор еще не проснулся, а Лиза, прыгая от одной стенки к другой, т. е. зигзагами. Скорость у них была почти одинаковая, т. к. что никто никому на ноги не наступал, и никто никого не ждал.

– А что мы делать будем? – спросила Лиза.

– Сейчас на улицу пойдем, – ответил дед, кушая суп.

Ел он настолько медленно, что Лизе хотелось помочь ему, чтобы его челюсть двигалась быстрее.

– А быстрее можешь? – спросила она лукаво.

– А зачем? – спокойно ответил дед, не увеличивая и не уменьшая скорость пережевывания.

– Чтобы на улицу пойти.

– Мы и так пойдем.

– А, если ты будешь есть быстрее, то мы быстрее пойдем, – объясняла внучка своему неразумному деду.

– Куда ты торопишься? У нас еще весь день впереди.

Лиза тяжело вздохнула и уставилась в окно. С таким дедом не забалуешь. Он все равно будет делать так, как ему нужно. С бабушкой ей было намного интереснее, т. к. она постоянно придумывала развлечения, игры. А дед просто си-

дел. Либо он сидел и молча ел, либо молча курил на лавочке перед домом, либо молча смотрел телевизор. Бегать он не любил и всякий раз, когда Лизе хотелось поиграть в догонялки, он раздражался. Ей приходилось целыми днями придумывать развлечения самой. Ходили они редко. В основном он отправлял ее в песочницу, говоря при этом, чтобы она никуда не уходила. Да и уйти-то она не могла, т. к. песочница находилась прямо позади лавочки, на которой он сидел. Как только Лиза видела, что дети начинают собираться на общей песочнице, то смотрела жалостливо на деда, но он категорично говорил: «Играй здесь». С ребятами она могла общаться только, когда с ней гуляла бабушка, но это было лишь по выходным. Поэтому она всегда их очень сильно ждала, желая приблизить их, как можно быстрее, но дедушка был настолько медлительным, что ей иногда казалось, будто выходные только отдаляются, а не наоборот. Бабушка на это отвечала, что время всегда движется только вперед – это закон. Но, когда Лиза смотрела на деда, то понимала, что законы могут ошибаться.

– Ты чай будешь? – спросил дед.

– Нет, я уже пила.

Дед налил себе крепкий черный чай и взял вафлю. Ее он жевал еще медленнее. Лизе казалось, что он сейчас совсем остановится и застынет, будет неподвижным, как грибок в песочнице.

Она слезла со стула и потормошила его ногу.

– Что ты делаешь? – спросил озадаченно дед.

– Не спи, – ответила грозно Лиза.

– Да, я и не сплю.

Лиза еще раз тяжело вздохнула, покачала обреченно головой из стороны в сторону, а затем обратно села на стул.

– Долго еще? – спросила она, умоляюще смотря на деда.

– Совсем чуть-чуть, – спокойно ответил дед, беря еще одну вафлю.

Эта невыносимая для Лизы пытка длилась каждое будничное утро.

– Все. Я поел, – сказал наконец дед, поглаживая свой живот, который был похож на большой бочонок или барабан.

Лиза спрыгнула со стула и побежала в детскую.

Дед в это время положил грязную посуду в раковину и залил ее водой. Посуду сам он не мыл никогда, считая, что мужчина этого делать не должен ни в коем случае. Даже, когда он вышел на пенсию и у него появилось много свободного времени, он не изменил свой взгляд на этот вопрос. Оля с ним разговаривала об этом, ругалась, угрожала, но это ни к чему не привело. В итоге она смирилась с этим.

– Деда, помоги мне колготки снять, – кричала Лиза из детской.

Он медленно поплелся к внучке. Перед выходом на улицу колготки она снимала, т. к. там было тепло: не то, что дома. Он помог Лизе снять колготки, надеть платье, потом пошел одеваться сам. В это время Лиза выбирала игрушки, которые

она возьмет, чтобы играть в песочнице.

Одевался дедушка быстро, т. к. ему нужно было лишь накинуть футболку и засунуть ступни в выходные тапочки. И это все: он готов. Лиза выбежала из спальни с кучей игрушек под мышками и в руках. Она бала уже научена опытом: дед бегать домой из-за игрушек не будет. Сколько игрушек она взяла, с таким количеством играть и будет. И хотя деду делать было нечего, но он говорил: «Ты что думаешь, что мне делать больше нечего?». Затем он закурил сигарету и молча смотрел вдаль. Поблажки Лиза не получала, т. к. дед считал, что это уже баловство. Кроме того, когда она просилась в туалет, то они шли домой, но выносить из дому еще игрушки дед при этих походах запрещал. На самом деле у деда было имя. Звали его Женя, но Лиза никак не могла его запомнить. Что бабушку звали Оля – она помнила, но имя деда для нее оставалось загадкой.

Они вышли во двор и каждый сразу занял свои позиции: Лиза в песочнице, а дед – на лавочке, на которой уже сидел один из соседей.

– Лиза, ты что-то забыла сказать, – сурово произнес дед.

Лиза повернулась, посмотрела испуганными глазами на деда, потом ее глаза стали блуждать вверх, вниз, влево, вправо.

– Здравствуйте, – вспомнив, что она забыла поздороваться, крикнула Лиза соседу на скамейке. При этом она широко улыбнулась.

– Здравствуй, – ответил ласково сосед.

– Молодец, – похвалил дед.

– Сурово ты с ней, – заметил сосед, обращаясь уже к деду.

– А с ней по-другому нельзя: иначе на шею сядет. Ольга балует ее, а я воспитываю.

– Как Таня у вас там. Не собирается приезжать? – спросил сосед.

– Не-е-е-т, – ответил дед. – Что она здесь забыла? Дочь, которую воспитывать надо, или родителей старых, которые ворчат постоянно? Нет, она уже не вернется. Ольга у меня все ждет этого, но я точно знаю, что об этом и думать нечего. Она там живет своей жизнью: что хочу, то ворочу, а здесь, как под лупой – все видно.

– Пусть тогда дочь заберет, – сказал сурово сосед.

– А что ты думаешь: она нужна ей? Да, если бы нужна была, то бы уж давно забрала, да и мы бы отдали. Тяжело нам уже за маленькими-то бегать, возраст не тот. Да, Лизку жалко. Здесь она хоть под присмотром, а там что из нее выйдет?

– Что мать воспитает, то и выйдет.

– Вот именно, – с горечью в голосе ответил дед. – Уж лучше пусть здесь растет. Тут она накормлена, одета, обута. Игрушки у нее уже в комнате не помещаются: в кладовку убираем. Пусть, пока маленькая, с нами живет, а потом уж может и мать заберет, когда за ней такой уход не нужен будет.

– Так там же тоже можно в садик отдать, – предложил сосед.

– В садик. Ты хоть знаешь, сколько этот садик стоит? – спросил он, повернувшись к соседу.

– Нет, – ответил честно сосед.

– Дорого он стоит, Петя. Нашей дочке его не потянуть.

– А я своим сразу сказал: принесете в подоле – можете на меня не рассчитывать, я помогать не буду. Как нагуляли – так и воспитывайте, – заявил сосед.

– Ага, – качнул головой дед. – Я раньше тоже так говорил, пока кулек домой не принесли. Сначала ворчал, но это больше для порядка, – он улыбнулся. – А потом и сам привык. Надоедает, конечно. С утра даже подумать в туалете нельзя с сигареткой: ребенок в квартире. Вот и дымлю на улице только. Тяжело мне это, но Ольга права – ребенку чистый воздух нужен, – сказал дед и выкинул окурочек в урну, стоящую рядом с лавочкой.

– Ладно, на работу пойду, – сказал сосед, вставая.

– Ну, давай, – ответил дед, пожимая протянутую ему руку. – Лиза, дядя Петя уходит, – сказал он уже внучке.

Лиза резко подняла голову, посмотрела на деда, потом на соседа.

– До свидания, – выпалила она.

– До свидания, – ответил сосед.

Дед Женя остался сидеть на скамейке один. Он смотрел куда-то вдаль, думая о чем-то своем. У Лизы была излюбленная ею игра в магазин. Одна кукла стояла за самодельным прилавком, а другие – приходили за покупками. Из товаров

были разные цветочки, травка, торт из песка, который Лиза «испекла» сама, украсив его мелкими цветочками и листьями, «колбаса» (т. е. ровные палочки, которые разной ширины, поэтому продавались по разным ценам). Считать Лиза умела только до 5, поэтому товары так и стоили – от одной до пяти денежек (т. е. листочков, нарванных с ближайшего куста). Через некоторое время ей надоело ходить в магазин, и она стала играть в гости. Куклы одна за другой ходили друг к другу домой, угощали чаем своих подруг, рассказывали разные истории. Одну из кукол Лиза любила больше всего, т. к. ее привезла мама. Звали ее Милой. Мила была самая грязная и затасканная кукла из всех, потому что участвовала во всех играх. Она даже играла в мяч и «пекла» пироги. С остальными куклами Лиза играла по очереди: один день Кристина, другой – Полина, третий – Виктория, четвертый – Синди и т. д.

– Дед, у меня не получается соединить, – плаксиво сказала Лиза.

– Что? – спросил дед, будто выплывая откуда-то издалека.

– Не получается, – повторила Лиза.

Она держала в руках две детали от конструктора, которые ей никак не удавалось соединить. Дед, посмотрев на это, сразу понял в чем дело.

– Пробуй, это можно соединить, – твердо ответил он.

– Не получается, – чуть ли не плача, вертя их в руках, ныла Лиза.

– Попробуй. Я знаю, что один способ ты точно не использовала, – говорил дед.

Лиза заплакала. Она ждала, что дед все сделает сам. Он прижал внучку к себе.

– Ну, чего ты реवेशь? – спросил он уже ласково.

Лиза ничего не ответила, а только протянула две детальки к его рукам. Он взял их и быстро соединил.

– Видишь. Я же говорил, что это легко, – сказал он.

Затем дед разделил снова детали и вернул внучке.

– Пробуй. У тебя получится.

Лиза взяла их и легко соединила сама. Она заулыбалась и стала прижиматься к деду, смотря на соединенные детальки. Но дед был не настолько прост. Он забрал детали, повертел их в руках и передал Лизе уже разделенные в другом положении.

– Пробуй, – вновь сказал он.

Лиза, испуганно на него смотря, протянула ладошки и взяла детальки. Она смотрела на них, как на что-то новое, хотя точно знала, что это те же самые детали, что и несколько секунд назад. Затем стала вертеть их в руках, а потом они, совершенно неожиданно для Лизы, соединились. Она обрадовалась еще больше. Затем показала деду.

– Молодец, – сказал он.

Лиза, абсолютно довольная, отправилась обратно к песочнице. Там она еще раз разделила детали, потом опять соединила, потом разделила, закрыла глаза, повертела их в руках,

открыла глаза. А потом снова легко соединила детали. Дед смотрел на нее и улыбался.

«И куда ее отдашь, когда она приносит столько радости?» – думал он про себя.

– Пойдем домой, кушать надо, – сказал дед, когда пришло время обеда.

– Не хочу, – плаксиво произнесла Лиза.

– Хочешь? – не хочешь, а надо, – ответил дед и открыл дверь в парадную.

Лиза не собирала игрушки, т. к. после обеда можно было вынести еще (но только после обеда, т. е. после того, как она съест все, что дед положит в тарелку). Она просто поднялась и пошла домой, тяжело вздохнув. Ей же нужно было обозначить хоть как-то свое несогласие.

На обед дед разогрел суп, который бабушка сварила вчера. Еще он достал хлеб, порезал его, вынул из холодильника колбасу, сыр и сделал себе и Лизе по бутерброду. Еще достал кастрюлю с рагу и также разогрел. Суп дед налил Лизе в тарелку с Мишкой, сказав при этом: «Спасай», а себе – в глубокую тарелку.

– Кушай, – сказал он таким голосом, что можно было даже не рассчитывать на какие-то поблажки, т. е. съесть нужно было все.

– А ложка? – спросила Лиза.

– Ах, да. Забыл, – улыбнулся дед и вынул две ложки: одну он отдал Лизе, другую положил рядом со своей тарелкой.

Лиза гремела ложкой, дед ел тихо. Когда они управились с первым, дед пошел за вторым.

– Я не буду, – жалобно сказала Лиза.

– Будешь, – спокойно ответил дед.

Он достал тарелки для второго и наложил рагу, но Лизе он положил только две ложки, а себе наложил целую тарелку.

– Я наелась, – сказала Лиза, когда прожевала последнюю ложку рагу.

– Вот и хорошо. Теперь чай поьем.

– Деда, я лопну, – сказала Лиза и откинулась на спинку стула. – Я не могу больше.

– Это хорошо. Это значит, что ты действительно наелась.

Он налил чай только в одну кружку для себя.

– Иди в кроватку, поспи немного, – сказал он.

Лиза медленно поплелась в детскую, т. к. живот тянул ее вниз. Она вдруг резко устала и действительно хотела спать. Дед помог ей раздеться, надел теплые носочки, накрыл одеялом и ушел из комнаты, закрыв за собой дверь. Лиза заснула почти мгновенно. А дед в это время пил чай, а потом смотрел телевизор. Через полтора часа он зашел в детскую, Лиза тут же проснулась сама и потянулась.

После обеда они снова пошли гулять. День был солнечный, поэтому Лизе было велено надеть панамку. Она играла одна, как и утром. Дед, периодически доставая сигарету, курил, разговаривал со своими друзьями, которые проходя мимо, присаживались, чтобы выкурить вместе с ним по од-

ной. С одними он что-то обсуждал, с другими почти молчал.

– Здорово, – сказал дядя Петя, возвратившийся с работы, усаживаясь на скамейку.

– Здорово. Что с работы уже идешь? – спросил дед.

– Да, отработал. Сейчас поем и на диван: новости посмотрю, сериал, а потом уже спать надо.

– Да, хорошо, – ответил дед.

– И не говори, – согласился сосед.

Когда дядя Петя докурил сигарету, то поднялся и пошел домой.

– И нам домой пора, – сказал дед Лизе. – Бабушка сейчас уже должна прийти. Собирай игрушки.

Лиза стала собирать игрушки, но сейчас уже одна не могла их донести. Так было каждый день, т. к. она выходила с полными руками после завтрака и обеда, а возвращалась домой с игрушками только один раз – вечером. Дед помог ей, и они пошли домой. Через пару минут уже в дверь позвонила бабушка. Лиза выскочила первая, за ней тихонько пошел дед.

– Деда, открывай же, – просила Лиза, прыгая около двери.

Он медленно снял ключи с гвоздика, повернул ключ два раза в замочной скважине и открыл дверь. Лиза бросилась на бабушку, как утопающий хватается за спасательный круг.

– Бабушка, бабушка пришла, – звонко кричала Лиза.

– Пришла, – ответила Оля, обнимая внучку. – Как же я без тебя?

Она поцеловала девочку в макушку, разулась и направи-

лась на кухню.

– А смотри, что я тебе купила, – сказала Ольга, доставая из сумки что-то в полиэтиленовом пакете.

– Что? Что?

Лиза схватила пакет и развернула его.

– Мороженое, – радостно крикнула Лиза.

– Да, но только после ужина, – предупредила Оля.

– Ну вот, – огорчилась сразу внучка.

– А как же? – удивилась бабушка. – А то аппетит себе испортишь, и кушать не будешь.

– А я и так не хочу кушать, – заявила Лиза.

– Как это не хочешь? – вмешался грозно дед. – Положи мороженое на стол и иди мой руки, – приказал он.

– Вот, дедушка у нас какой суровый, – сказала бабушка. – Пойдем руки мыть.

Они отправились в ванную, помыли руки, а потом все вместе сели кушать. Доедали они вчерашнее рагу. А на следующий день Ольга собралась делать котлеты, поэтому достала мясо из холодильника.

Они покушали, а потом бабушка стала всем разливать чай.

– Бабушка, а можно мне мороженое? – жалобно попросила Лиза.

– Давай у деда спросим, – ответила Ольга. – Дед, можно нам мороженое съесть?

– Можно, – ответил дед. – Теперь можно, – уже более лас-

ково добавил он.

Бабушка открыла мороженое и положила его в тарелочку. Лиза взяла ложечку и стала кушать.

После ужина дед ушел смотреть телевизор, а бабушка с Лизой остались в кухне. Бабушка – потому что ей нужно было делать котлеты, а Лиза – потому что ей хотелось поговорить.

В девять часов вечера Лизу бабушка стала отправлять спать.

– А мама? – спросила с надеждой в голосе Лиза.

– Что мама? – не поняла сначала бабушка, но потом быстро спохватилась. – Мама... Мама вчера говорила, что сможет позвонить только когда будет поздно уже, – врала Ольга, отвернувшись от внучки к плете с кастрюлями.

– Я хочу с мамой говорить, – заявила Лиза.

– Но она может позвонить очень поздно, – сказала бабушка. – А тебе спать нужно.

– Нет, не нужно, – грозно ответила Лиза.

– Нужно, – ответила бабушка. – Иначе у тебя сил не будет.

– Я завтра днем больше посплю.

Ольга понимала чувства Лизы, но боялась, что раз дочь до сих пор не позвонила, то уже сегодня и не позвонит.

– Пойдем у деда спросим, – сказала Оля.

Дед, видя позади расстроенного лица Лизы, знаки своей жены, которые указывали на то, что ей нужно отказать, сурово отказал в просьбе. Кроме того, самолично повел ее в кро-

вать, что делалось редко. Еле-еле он ее уложил, сказав, что сегодня сказки не будет, т. к. она себя плохо вела. Лиза расплакалась, бабушка ее стала успокаивать. Только через полчаса заплаканная Лиза уснула на руках бабушки. Оля ее уложила, накрыла одеялом и закрыла дверь.

– Как она могла? Я же вчера ее просила, – утирая слезы спросила Оля, садясь рядом с мужем на диван.

Она не ждала ответа на этот вопрос.

В половине одиннадцатого они легли спать, а в одиннадцать прозвенел телефонный звонок. Ольга вскочила с кровати и побежала брать трубку.

– Алло, – сказала она немного сонным голосом.

– Мам, привет, – говорил бодрый голос дочери из трубки.

– Ты хоть знаешь сколько время? – спросила Оля.

– Мам, извини, я забыла, – просто ответила Таня.

– Забыла? – удивленным голосом спросила Оля. – Ладно, что ты забыла про родителей, но у тебя есть дочь. Ты и про это забыла? – уже кричала в трубку она.

– Мам, со всяким могло случиться. Я заболталась с подругой, а когда вспомнила, то сразу позвонила.

– Лиза уже спит, – отрезала резко Оля.

– Нет, нет, я не сплю, – кричала Лиза, выбегая из комнаты и отнимая трубку у бабушки. – Мама, – крикнула она в трубку.

– Доченька, здравствуй, солнышко ты мое. Как ты поживаешь? – ласково спросила Таня.

Лиза начала рассказывать новости, рот у нее не закрывался. Таня только слушала и говорила «молодец», «умничка, ты у меня» и т. д. Лиза готова была болтать всю ночь, но примерно через пятнадцать минут Таня ее перебила, сказав, что ей завтра на работу, и нужно рано вставать, что она очень любит Лизу и обязательно позвонит еще, потом попрощалась с дочкой, сказала, чтобы она передала привет бабушке и дедушке, пожелала спокойной ночи и повесила трубку. Лиза передала привет, вернула трубку бабушке и довольная пошла спать. Бабушка снова укрыла ее одеялом

– Мама, – бормотала Лиза, засыпая, а бабушка в это время поскорее вышла из детской, чтобы Лиза не заметила, что ее бабушка плачет.

Квартира №4

– Вы у меня сегодня опять побудете вдвоем. Мамочке нужно уйти, – говорила ласково мама своим пятилетним двойняшкам Тане и Боре, стоя перед зеркалом и надевая сережки. – Мамочка пойдет искать вам папочку, – продолжала она объяснять. – Я попросила бабушку, чтобы она пришла пораньше от своей подружки, – уже раздраженным голосом говорила она, – но на вас вашей бабушке совершенно плевать. Она у нас такая. Ей даже на меня было плевать, когда я была маленькая. – Она повернулась к детям и обняла их. – Но я вас очень-очень-очень сильно люблю. Помните всегда о том, какая хорошая у вас мама.

Она щелкнула каждого по носу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.